

— Ворота поживей растворяйте,
Я вернуся назад засветло...

Ночь бледнела, к концу приближаясь.
Потянуло туманом с реки.
Кони мчались... К седлу наклоняясь,
Были хмуры послы-казаки...

Что-то мучило совесть, томило...
И один повернулся в седле:

— Шелудях!..

— но молчание было

На призыв тот в предутренней мгле.

Отвернулся от них и на гриву
Уронил в серебре повода;
Конь на шаг перешел, в такт мотиву
Закачалась его голова.

И запел Шелудях потихонько:

— Как у нас то на Дону,
Во Черкасском городе,
Старики там пьют-гуляют,
По беседушкам сидят..
Старики там пьют-гуляют,
По беседушкам сидят,
По беседушкам сидят,
Про азовцев говорят!..

Песня нежной тоскою впилась...
Из-под белых бровей полегоньку
По морщине слеза пролилась.
Не видали ее, но... слышали.
Опустили, потупили взор.
Так в молчаньи печальном скакали...

Вырос темный широкий шатер...
Два стрельца вмиг подняли завесу.

Шелудях внутрь шагнул и... застыл, —
Прислонившись к крутому навесу,
Князь Черкасский клинок обнажил.
Навалилися сзади, схватили, —
Покачнулся старик Шелудях...
Как колодки на ноги забили,
Князь приблизился с злобой в глазах:

— А, попался!.. Россию святую
Поносил ты и предал царя!..

— Придержи-ка язык и впустию
Не болтай-ка, сиятельный, зря...

— Как ты смеешь на князя, как смеешь?
Русский князь сам с тобой говорит!

— Я — казак и ничей, разумеешь?
А доверившись хаму, — погиб!..

— Увести... Увести... Передайте
Милославскому тотчас его.

Повернулся старик: А вы — знайте:
Не боится казак ничего!..

Из шатра почти вынесли деда.
Затоптали штандарт голубой...
Так досталась русским победа,
Над ватагой Степана лихой...

Изменилася Астрахань!.. В море
Волга мчит свои воды-красу,
Но не смыть ей казачее горе,
И его, Шелудяха, слезу...

Санжа Балыков.

Ханский указ.

(Калмыцкая сказка).

Во времена стародревнего покоя и всеобщего довольства жил-был один счастливый хан. В ханстве его царил порядок, довольство и благочестие; имел он красавицу ханшу, которую как душу свою любил и, как самому себе, ей верил. Было у хана много и других земных сокровищ, которые если бы перечислят, то хватило бы на две ночи.

Приказал однажды хан оседлать ему его вороного аргамака, взял своих знаменитых двух собак „Хасер и Васер“, свистнул на своих обученных соколов „Шонтель и Вонтель“ и выехал попотешиться удалой охотой в чистом поле.

И повстречался с ним в поле незнакомый молодец, во весь дух скакавший по направлению к ханскому хотону.

— Эй!.. остановись, во здравии ли живешь?! закричал на него хан.

— Живу, и вы также, наверно, здоровы? — отвечал молодец, останавливая коня.

— Куда, брат, так скачешь? хан спросил.

— Да, еду по такому делу, что неудобно старшему брату говорить, — отвечал тот.

— Ну, ну... не стесняйся; если едешь коня лихого добыть, то я не помешаю.

— А, нет, я не вор... видите ли, брат, я — любовник ханши; сегодня хан выехал на охоту и она меня

звала на свидание, вот и скачу к ней, — молодец отвечал.

— Эй, парень, ты врешь, как вижу, как же ты, простой человек, с ханшей познакомиться мог и еще любовь ее заслужить? сказал хан, едва сдерживая свой гнев.

— Не вру я; любовь женская не различает рода и знатности, она знает только силу и красоту, да притом, ведь, все люди от отца и матери рождаются... Скакал я однажды мимо ханского хотона на диком неуке, ханша меня в решетку кибитки увидела, залюбовалась моей посадкой и фигурой и позвать лихого наездника приказала, а когда я появился перед ней, то налить мне кумысу из ханской кадки велела и сама мне подавала. Выпил я, с молитвой, ханский чудный кумыс и, поблагодарив, хотел уйти, да ханша меня остановила, имя мое спросила и где я живу... Потом, когда хана не бывало, меня через свою девку-служку спешно звать стала и в любви, с тех пор, мы с ханшей живем, лаской взаимной наслаждаемся, — весело молодец отвечал.

Хан про себя вздохнул; на душе его смутно стало, словно солнце скрылось среди бела дня; однако, свое волнение не обнаружил, молодцу одобрительно улыбнулся, счастливого пути ему пожелал, свистнул на своих собак и охоту продолжать поехал.

Поздно вернулся хан. Скучен он как-то был и ласка жены его только злила, а на все ее вопросы мол-

чанием отвечал. Всю ночь думу какую-то он думал и на утро, кузнеца своего позвав, железный мешок по пояс человека с замком заказал.

А потом, когда на охоту выезжал, на жену тот мешок железный надевал и, на замок замкнув, ключ в карман свой клал.

Прошла весна, лето, настала осень; дичи и зверья в поле больше стало, хан все чаще и дальше на охоту выезжал. И вот, однажды, опять того же молодца повстречал.

— А!.. любовник ханши, здоров, куда скачешь? хан весело спросил.

— Да, все туда же, к ней, — молодец, смеясь, отвечал, — а вы все охотой грешите, невинных зверей и птиц душите?..

— А как же ты там?.. ведь слышно, что хан на жену железные штаны с замком заказал и, когда сам выезжает, на нее штаны эти надевает и на замок замыкает?!

— Да то правда, да любовь женская не знает себе преград... Когда на нее штаны железные хан надевает, ханша незаметно живот свой надувает, а когда он уезжает, она живот втягивает в себя и штаны сами спадают, — смеясь, молодец отвечал.

Хан про себя покраснел, однако молодцу добра пожелал и продолжать охоту поехал. Женской хитрости он сильно удивился и препятствия непреодолимые ей создать решился.

С охоты он поздно вернулся. Думы всякие долго думал, а наутро, на охоту выезжая, двух верных часовых у дверей поставил и никого к кибитке не подпускать и из нее не выпускать строго приказал, да еще обученных льва и львицу к ним на цепь привязал, которые, кроме хана самого, никого к себе не подпускали.

Возвращался хан с охоты и спрашивал часовых. Часовые отвечали, что никто к кибитке ханской не приближался и из нее никто носа не показывал и что льву и львице некого было рвать.

Успокоился хан опять и охотничьей страсти по прежнему отдавался и, однажды, опять того же молодца в поле повстречал.

— Ну, как дела, любовник ханши? говорят, что у дверей хана дежурят два часовых, да лев и львица злые, вдобавок, на цепи стоят, наверно свидания твоим конец теперь настал? — хан спросил.

— А нет, любовь на выдумку богаче... Из соседней балки в ханскую кибитку подземный ход тайный я имею в целых сто саженей. В балке коня я, стреножив, оставляю, а сам яму в кустах открываю, по яме на четвереньках ползу и, из под ханшиной кровати, в ее объятия попадаю...

Тут уж не сдержал хан свой гнев; любовника жены тут же он застрелил; вернувшись, ханше он голову шашкой отрубил, а на другое утро приказ строгий по ханству своему дал: „Всех его подданных женского пола, от стара до млада немедленно истребить“...

И начались по ханству казни женщин. Плач и стоны поднялись кругом.

Уже два дня шла резня. Хану было тяжело, но гнев его был велик и он — продолжать казнь — приказ за приказом отдавал.

Чтобы рассеять душу в чистом поле, он выехал в степь. Едет хан по полю и видит: лежат в гнезде голые птенцы жаворонка, а возле них змея лежит.

— Что ты, змея, при чужих птенцах делаешь — хан спросил.

— Да мать их за пищей улетела, а я, чтобы хорек птенцов не съел, их стерегу, — змея отвечала.

„Какое хорошее сердце у змеи, гады лучше людей“, хан в душе подумал и дальше поехал. Но, когда не-

много отъехав, повернулся, то увидел, как змея птенцов тех кажно поедала. „А и тут ложь и обман“, — грустно сказал хан.

Едет хан дальше и видит: над маленькими зайчатами коршун грозный сидит и крыльями их нежно прикрывает.

— Ты что, коршун, делаешь над маленькими зайчатами? хан спросил.

— Да мать, тебя испугавшись, убежала, а я, чтобы дети не мерзли, крылом их прикрываю, — коршун отвечал.

„Какое хорошее сердце, пернатые лучше, чем люди“, хан подумал и мимо проехал. Но когда он оглянулся, то увидел, как коршун, неся зайчат в когтях, под облака возносился. „Ах и тут ложь и обман“ — грустно сказал хан.

До вечера ехал хан и в степи заночевать решился. Пустил он коня пастись, а сам еще в сумерках на ветвистое дерево влез, чтобы на него, спящего, не напали бы звери. И вот с дерева видит хан: идет слепец, едва ноги волоча, с тяжелым сундуком на спине. Остановился он недалеко от дерева, сундук свой на землю поставил, крышку его открыл и из него прекрасная женщина и молодой человек встали и, молча, при слепце, нежно ласкаться стали.

— Эх!.. и горе же нам с нашим глупым ханом, — слепец заговорил, — вздумал весь женский род в ханстве своем извести, а о том не думает, что без женщин ханство его опустеет...

— Но хан не так уж и виноват, — женщина тут вмешалась, — он любил свою жену, а она ему изменять вздумала, как же хану не возненавидеть!..

— Нет, моя милая, не прав хан, — слепец отвечал — если есть на свете такие женщины, как его ветреная ханша, так зато есть и такие золотые, как ты у меня; и я, по его дурацкому приказу, тебя, золотую и верную, должен был казнить?! Нет, до последнего издыхания буду тебя носить, уйду в другое царство, а тебя, милая, спасу, в сундуке за плечами нося... Но, тяжеловата ты, милая, оказалась, — пожаловался следой муж.

— Конечно, я — тяжелая, кости мои молодые, сочные, да может еще и не одна я; я, кажется, ношу в себе кого-то, — нежным голоском жена отвечала, а сама, моргнув на молодца своего, нежно его обняла и беззвучно поцеловала.

„О Боже!.. взмолился хан на дереве, — верни же этому слепцу сейчас зрение, чтобы увидел он жену; дай, Боже, зрение этому мужу, чтобы увидел он коварство своей жены!“

И Боги, услыша молитву хана, мгновенно слепцу зрение вернули.

— Ах!!! что ты делаешь?! и ты изменницей оказалась! Ты с любовником в сундуке на моей спине лежала?! в ужасе муж закричал.

— Не сердись, благодарить ты меня должен; если бы не мой поступок, разве Боги вернули бы тебе зрение?.. Что дороже на свете: любовь жены, которая проходит, или твои ясные очи?.. жена ему отвечала.

— Правда... муж уныло прошептал, — я был слеп десять лет, было тяжело, а теперь я белый свет узрел... Благодарю тебя, моя жена...

— „Ага — засмеялся хан на дереве про себя, — если все женщины таковы, как моя ханша и эта, то наверно не все мужчины одинаковы. Если есть такие, как я, способные за ложь и измену всех женщин казнить, то есть и такие, которые за это благодарят... Ну, тогда еще могут люди жить...“

А на другое утро приказ свой суровый хан отменил...

